

ЖИВАЯ СТАРИНА

3 '2008

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

ПАМЯТИ К. В. ЧИСТОВА (1919—2007)

Год назад, 29 октября 2007 г. скончался замечательный отечественный фольклорист, доктор филологических наук, профессор Кирилл Васильевич Чистов, член-корреспондент РАН, вице-президент Международного общества исследователей повествовательного фольклора, почетный член нескольких международных научных обществ. Ниже мы помещаем несколько публикаций, посвященных его памяти.

А. А. ЧУВЬЮРОВ

«МЫ С ВАМИ ИЗ ЭПОХИ ДИЛИЖАНСОВ»

С Кириллом Васильевичем я познакомился в 1994 г., когда определялся в аспирантуру Музея антропологии и этнографии. Заочное же мое знакомство с ним состоялось десятилетием раньше — в пору моего обучения в Сыктывкарском университете, когда мне в руки попала его книга «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.». В ту пору я не думал о научной карьере и, конечно же, не мог даже думать о том, что когда-нибудь судьба даст мне шанс познакомиться с автором полюбившейся мне книги. Поэтому согласие Кирилла Васильевича на научное руководство моей диссертацией было для меня неожиданным...

Наше общение продолжалось на протяжении 13 лет. В последний раз мы говорили (правда, только по телефону) в начале сентября 2007 г., накануне Рябинских чтений, на которые я в первый раз, по «благословению» Кирилла Васильевича, попал в 1999 г. Договорились, что мы встретимся после петрозаводской конференции, но наша встреча так и не состоялась...

В Кирилле Васильевиче удивительным образом сочетался большой ученый и талантливого педагог. Люди, которые приходили к нему в аспирантуру, были различны по своим дарованиям и по степени готовности к научной работе, но в любом случае Кирилл Васильевич умел достигать результата. У него было особое педагогическое чутье: он умел находить нужное слово, нужный тон, наиболее эффективные в том или ином случае.

Вспоминается такой эпизод. Как-то я опоздал на встречу с Кириллом Васильевичем. Мы договорились, что я приеду к 11 часам в отдел этнографии восточных славян. Я был после ночного дежурства и, пока собирался, замешкался и пришел в отдел с опозданием на 20 минут... «Мы с вами договорились встретиться в 11 часов, а сейчас уже 20 минут двенадцатого. В 12 у меня назначена встреча, но поработаем, сколько успеем», — заметил Кирилл Васильевич. Татьяна Александровна Бернштам,

К. В. Чистов во время экспедиции на Онежском озере. 1950-е гг.

которая также находилась в кабинете, посетовала, что один из сотрудников отдела, который также пообещал прийти к 11 часам, до сих пор отсутствует, хотя скоро будет уже половина двенадцатого. Сама она, заметила Т.А., если назначена встреча, старается выходить так, чтобы исключить всякие казусы. Кирилл Васильевич улыбнулся, посмотрел на меня и заметил: «Наверное, нынешнее поколение немного по-другому воспитано, — затем, обратившись к Татьяне Александровне, сказал: — Мы с вами из эпохи дилижансов, — и после небольшой паузы добавил: — Это не недостаток, а достоинство». Для меня это был урок, и в дальнейшем, когда мы с Кириллом Васильевичем договаривались о встрече, я старался договориться на такое время, чтобы исключить какие-либо казусы.

Вспоминается другая история. В первые годы учебы в аспирантуре я проявлял чрезмерную активность в отношении конференций. Как-то раз, во время нашего очередного разговора с Кириллом Васильевичем я упомянул про одну из них, на которую я собирался, и показал информационное письмо. Кирилл Васильевич внимательно посмотрел инфор-

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЧУВЬЮРОВ, канд. филол. наук; Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

мационное письмо, улыбнулся и заметил: «Это, конечно, интересно, но, как говорил парикмахер с улицы Лермонтовской, "всех не переберешь"». Важно правильно расставить приоритеты. Есть исследования, которые более десяти лет уже занимаются исследовательской деятельностью, написали десятки статей, а их деятельность так и не вылилась в какое-нибудь серьезное монографическое исследование. Везде не успеть. Так что всегда приходится выбирать, что для вас важнее». Не сразу, а лишь спустя годы я понял глубину этого, казалось бы, простого замечания.

Наше, условно говоря, первое аспирантское занятие началось с беседы, во время которой Кирилл Васильевич подробно меня расспрашивал о семье, о работе и о моих занятиях, прибавив: «Не удивляйтесь, что я так подробно вас обо всем расспрашиваю. Мне нужно знать ваши нагрузки, чтобы правильно составить план нашей совместной работы».

Осенью 1995 г. я принес первый набросок введения диссертации. Относительно теоретической части моей работы Кирилл Васильевич сказал: «Это пока что самая слабая часть вашего введения. У вас слабые тылы. Вам надо подтянуть теорию. Сейчас открываются аспирантские курсы — Европейский университет. Историю этнографии там будет читать Альберт Кашфулович Байбури. Сходите, запишитесь на его курсы. А после лекций приезжайте, мы будем разбирать вопросы, которые будут у вас возникать. Если будут какие-то сложности, позвоните. Я тогда сам переговорю с Альбертом Кашфуловичем».

Так началась моя этнографический и фольклористический либкес. Я приходил к Кириллу Васильевичу, пересказывал лекцию, а затем мы обсуждали ее. А это было время, когда Кирилл Васильевич работал над подготовкой к изданию «Причинаний Северного края». Несмотря на загруженность, у него находилось время для занятий со мной.

Кирилл Васильевич был очень чутким, внимательным человеком. Он всегда тяжело переживал известия о болезни или о каких-то несчастьях знакомых ему людей. Вспоминается такой эпизод. Накануне своей очередной поездки в Сыктывкар я приехал к Кириллу Васильевичу. Мне показалось, что он чем-то расстроен. «Мне сообщили, что Николай Дмитриевич Конаков¹ лежит в больнице, — сказал Кирилл Васильевич. — У меня к вам будет просьба. Когда будете в Сыктывкаре, зайдите в больницу к Николаю Дмитриевичу. Скажите, что Кирилл Васильевич часто вспоминает вас и что Кирилл Васильевич подчеркивает ту роль, которую сыграли вы в становлении нынешнего этнографического отдела Коми научного центра. В таком положении человеку очень важна поддержка».

И таких эпизодов в жизни Кирилла Васильевича было много. Я знаю, что когда заболел сын А.К. Микушева, то

возникла проблема: нигде не могли найти выписанного лекарства. Когда об этом узнал Кирилл Васильевич, он связался со своими знакомыми в Венгрии и через них нашел нужное лекарство.

На протяжении многих десятилетий он оказывал помощь аспирантам из Петрозаводска, Сыктывкара и других городов.

Кириллу Васильевичу было присуще особое чувство ответственности за своих аспирантов. В конце 1999 г. Е.М. Юхименко предложил ему подготовить статью для сборника «Староуроведчество в России». Кирилл Васильевич решил подготовить публикацию текста «Путешественника» Марка Топозерского из сборника, хранящегося в Древлехранилище ИРЛИ. Кирилл Васильевич попросил меня сделать выписку из этого сборника. Спустя некоторое время он попросил меня набрать на компьютере текст машинистки. Это была статья «Список "Путешественника" из Рязанской губернии», позже опубликованная в вышеупомянутом сборнике под редакцией Е.М. Юхименко. В углу статьи рядом с фамилией и инициалами Кирилла Васильевича стояла моя фамилия. Я подумал, что она поставлена как память, кому передать текст для компьютерного набора. Через некоторое время я принес готовую работу. Кирилл Васильевич просмотрел текст, нет ли в нем опечаток, а потом вернулся к первой странице: «Вы здесь упустили опечатать свою фамилию». Я стал объяснять Кириллу Васильевичу, что мое участие в этой статье свелось лишь к технической помощи и поэтому я не могу быть в числе соавторов. «Я никогда не пользовался чужими трудами, — сказал Кирилл Васильевич. — Вы сходили в ИРЛИ, переписали текст и набрали его на компьютере. Кроме этого, есть еще одна причина. Сейчас непонятная ситуация с нашим диссертационным советом и неизвестно, как скоро он заработает вновь. По этой причине защита вашей диссертации

может задержаться. А я в том возрасте, когда не можешь поручиться за завтрашний день. А мне хотелось бы, чтобы вы защитились. Поэтому важно, чтобы люди знали, что я был вашим научным руководителем. Отпечатайте текст заново и впишите свою фамилию...» Так появилась моя единственная публикация «в соавторстве» с Кириллом Васильевичем².

Апостольский призыв «не оставяйтесь должным никому, кроме взаимной любви», в определенной мере являлся и жизненным принципом Кирилла Васильевича. В конце 1990-х гг. Кирилл Васильевич стал работать над продолжением своей монографии «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» и мне предложил принять участие в этом проекте, набирая на компьютере его машинописные тексты. Кирилл Васильевич сказал, что в смету гранта заложена определенная сумма на эти работы. Когда работа была уже выполнена и деньги мною были получены, я приехал к Кириллу Васильевичу. Вначале он, как обычно, расспросил меня о моих домашних делах. А потом подошел к столу и перелал мне конверт, на котором была написана моя фамилия, со словами: «Это подарок вашим детям. Скажите, подарок от Кирилла Васильевича». Мне было неловко. Я подумал, что слишком откровенными своими рассказами о семейных делах я спровоцировал Кирилла Васильевича на этот шаг и стал отказываться, но он настоял на своем, предупредив: «Только пусть это останется между нами». Дома, открыв конверт, я обнаружил там сумму, которая в то время примерно равнялась моему двухмесячному заработку в музее.

Последние годы были трудными для Кирилла Васильевича: они были омрачены потерей дорогих для него людей: его жены Беллы Ефимовны, В.С. Бахтина, Е.М. Мелетинского, Г.В. Старовойтовой, Ю.Ю. Сурхаско, Р.Б. Калашниковой... Перенести тяжесть утрат ему в какой-то

В.М. Гацак, К.В. Чистов, В.А. Бахтина, Е.М. Мелетинский. На конференции. 1999 г.

мере помогала работа. Было два крупных проекта, над которыми он работал в эти годы: социально-утопические легенды и книга воспоминаний. Огромную помощь в реализации этих проектов оказала Татьяна Григорьевна Иванова. Сейчас, вспоминая Кирилла Васильевича, мне хотелось бы от лица всех тех, в чей научной биографии принял участие Кирилл Васильевич, поблагодарить Татьяну Григорьевну за эту помощь.

Накануне Нового года по телевизору показали фильм Кусова «Еще нет». Герой фильма вдруг напомнил мне Кирилла Васильевича. Конечно, Кирилл Васильевич не совершал таких чудачеств, как профессор Учино, но его взгляды на жизнь, отношения с людьми некоторым, наверное, могли показаться чудачествами, старомодными... Я думаю, многие из нас могли бы повторить в отношении Кирилла Васильевича слова учеников профессора Учино: «Наш профессор из чистого золота, золота высшей пробы...»

У Кирилла Васильевича были удивительно добрые глаза, особенное рукопожатие: мягкое, сердечное. Всякий, кому приходилось быть в квартире Чистовых, ощущал это душевное тепло. Вместе с хозяином выходил встречать гостей белый ангорский кот Горбик, который неизменно становился участником бесед. Как-то раз Кирилл Васильевич рассказал мне историю с имманенцием Горбика. Когда принесли котенка, у него на лбу было темное пятно, как у М.С. Горбачева. И в шутку кота назвали Горбик. Спустя некоторое время пятно мистическим образом исчезло, по времени это совпало с распадом СССР и упразднением поста президента СССР.

Кирилл Васильевич был человек нерелигиозный, но в нем была особая совестливость, свойственная не многим религиозным людям. Его рассказы о своей жизни невольно заставляли меня пристальнее посмотреть на свою жизнь: всё ли я делаю правильно. Я начинал перебирать свои поступки, думать, а как бы в том или ином случае поступил Кирилл Васильевич, что бы он сказал о том или ином поступке. Естественно, и сейчас всякий раз, вспоминая Кирилла Васильевича, я переживаю то же самое...

В заключение мне хотелось бы привести слова Г. Гессе, сказанные в отношении Роберта Вальзера: «Если бы у Вальзера было сто тысяч читателей, мир стал бы лучше». Мне хотелось бы немного перефразировать это высказывание: если бы людей, которые близко знали Кирилла Васильевича, было бы на сто тысяч больше, мир стал бы немного лучше.

Примечания

¹ Н.Д. Конокан — заведующий отделом этнографии КНЦ УРО РАН в 1980—1990-е гг.
² Чистов К.В., Чувуров А.А. Спикер «Путешественника» из Рязанской губернии // Старообрядчество в России (XVIII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 251—256.

Т.Б. ЩЕПАНСКАЯ

В ЖИЗНИ И ПАМЯТИ

Утро. МАЭ РАН. Вахта, зеркало, доска объявлений, цветы. «Кирилл Васильевич?..» Кирилл Васильевич. Двадцать семь лет моей жизни, определивших, собственно, ее суть.

Студенткой и слушаю курс «Введение в фольклористику», который К.В. Чистов читает нам на кафедре этнографии в университете. В 1980-м (я на 4-м курсе) он становится моим научным руководителем. Под его руководством пишу и дипломную работу (называлась она «Культ медаведы у восточных славян» — за точность формулировки, правда, по прошествии лет не ручаюсь). Я там выстраивала какие-то даже графики — Кирилл Васильевич заинтересовался и предложил поступать в аспирантуру в Институт этнографии, где он тогда возглавлял сектор этнографии восточных славян.

Трудно писать, трудно выбрать, о чем писать, если целая жизнь прошла в постоянном диалоге: длительных, громких, яростных порою спорах или в мысленном проигрывании аргументов и контраргументов, продумывании доказательств, которые бы убедили учителя. Скольнибудь аналитически подытожить эти 27 лет я пока не могу: всё, что было сказано, продумано и написано в процессе нашего диалога, пока живет, это никак не вычленишь из моего по-прежнему актуального и длящегося жизненного потока. Как это начиналось? Чему я училась, чем жила в те годы, когда, собственно, и признала в К.В. того, за кем не зорно идти и к кому стоит учиться? Сохранились дневниковые записи (было несколько коротких периодов, когда я принималась вести дневник — один из них как раз в первый мой год в аспирантуре). Может быть, по отрывочным записям можно составить теперь хоть какое-то представление о том, как она возникла — эта скрытая обычно в повседневности линия передачи научной традиции. Не только знание: я открывала для себя что-то еще, не менее значимое.

Вот мы стоим на галерее Кунсткамеры, обсуждаем мою диссертационную тему. В секторе тогда разрабатывали тему по свадьбе, и К.В. предложил мне писать по южнорусскому свадебному обряду; я заартачилась, хотела про магию (многие в молодости хотят про магию). Спорили долго, пришли к теме ритуальных практик, связанных с земледельческими занятиями. К этой теме я возвращаюсь до сих пор — и в связи с неосозданно

(мастера-неземледельцы часто оказывались пережогими), и в связи с исследованиями маскулинности, и в контексте антропологии власти.

Это было период, когда жизнь моя круто менялась. Главное ощущение — неадекватности и неукорененности в новой для меня научной среде. Хотелось самоутвердиться, прежде всего перед научным руководителем, показать, что не зря я здесь протираю штаны.

Каждый разговор с К.В. — событие. Записи в дневнике: «Надо работать и всё направить на работу». Снова и снова возвращаясь к разговору, месяцами могла продумывать аргументы, ответы на поставленные Кириллом Васильевичем вопросы. После каждого разговора — ощущение стыда (как я невинительно подошла к поиску доказательств, как поверхностно!), снова в библиотеку, читать, анализировать, добывать материал. Перед каждой встречей, отчетом о проделанной работе — волнение: «Ну всё, рассердится, выгонит!». Потому что упрямо делала всё по-своему, а потом старалась доказать, что нахожу именно так! Кирилл Васильевич не отвергал, а выдвигал контраргументы, и мы спорили до тех пор, пока я не излагала (с жаром, обидами, возмущением!) все соображения, которые могла привести «за». Кирилл Васильевич тоже включался и начинал развивать тему, сразу же рекомендовал литературу (у него, казалось, всегда наготове несколько названий на любую тему). Надо сказать, я до сих пор считаю, что его стиль руководства — идеальный для научной деятельности и научной среды. «Главная функция руководителя — не мешать работать». Не мешать! Да он оказывал неоценимую помощь — и как незаменимый партнер по научному диалогу, где ты мог отточить свои аргументы и почувствовать шаткость тех, что были недостаточно продуманными, и как замечательный организатор, и просто как человек, который очень многих знал в научном сообществе, а для меня было важным еще и то, что он хорошо ориентировался в обычаях этого сообщества и мог ненавязчиво поправить, когда мое поведение слишком уже с ними контрастировало. Многую тогда приходилось учиться — я не была девочкой из научной среды, нужно было осваивать порою не только литературу по специальности, но и правила повседневной коммуникации. В моем дневнике сохранился такой эпизод. При встрече Кирилл Васильевич всег-

да протягивал руку для рукопожатия. Здесь, в Академии наук, жест рукопожатия не был прерогативой мужчин, а означал признание сопринадлежности к кругу коллег. «А я всё еще стесняюсь здороваться за руку (потому что боюсь, что рука у меня будет влажная). И даю владую руку...» Это было как раз перед экспедицией, я ждала, когда закончится чья-то защита и К.В. подпишет мои бумаги. «Стал прощаться, опять протянул руку. Я — опять то же самое. И вдруг он так прямо и говорит: "За время учебы в аспирантуре я должен вас научить здороваться: руку надо давать твердую, а у вас она вялая", — ну что-то вроде этого. А мне стало не стыдно и не обидно, а смешно. Говорю: "Это оттого, что я вас боюсь". — "Вы меня боитесь? Я вроде бы никого еще не съел". Конечно, я была в его глазах дичающейся хипповатой девчонкой, порой самоуверенной и несдержанной, но Кирилл Васильевич, тогда только что избранный членом-корреспондентом Академии наук, заведующий сектором и т.д., не снисходил ко мне, а подавал руку, чтобы помочь войти в профессию.

Кирилл Васильевич всегда был необыкновенно открыт, готов к общению, к нему можно было подойти с любой проблемой — но в то же время совершенно ясно было, что нельзя его вниманием злоупотреблять. Ити к научному руководителю только с тем, что действительно относится к делу, что уже продумано, — да я каждый раз готовилась к разговору с ним, как будто к защите диссертации.

Первые экспедиции. Конечно, студенткой я ездила со всеми на практику — у нас были экспедиции в Мордовию, к хантам в Западную Сибирь, в Горную Шорию. Но теперь другое: теперь я должна собрать *полевой материал* для написания диссертации, сама продумать программу — теперь работа. Кирилл Васильевич предлагает поехать в Полесье с экспедицией Н.И. Толстого. Вероятно, чтобы я прошла еще и их школу полевой работы, отличную от той, что сложилась у нас на кафедре, прежде всего весомым фольклористическим и лингвистическим компонентом. Потом это очень пригодилось. Кирилл Васильевич договорился с принимающей, так сказать, стороной, и меня определили в один из отрядов Полесской экспедиции, отправлявшийся в Гомельскую, а потом в Брянскую область. Никита Ильич ехал не с нами, но помню, как он провозил наш отряд на перроне в Москве. В этой экспедиции мне посчастливилось поработать с такими замечательными людьми, как Л.М. Иванова, О.А. Терновская, А.Л. Топорков, Л.Н. Виноградова, Т.В. Рождественская, и другими, теперь уже известными и

заслуженными коллегами, а тогда в основном еще начинающими исследователями. Кирилл Васильевич позаботился и об организационной стороне моей поездки (потом я уже всё делала сама, но в тот, первый раз была совершенно беспомощна). До сих пор у меня хранится записка К.В. в дирекцию — то, что сегодня называется «служебная записка». Неподражаемый стиль академического общения: написано свободно, никакой официальщины и канцелярищины — но и ни слова лишнего.

Замечательное свойство моего Кирилла Васильевича — умение оценить новое в науке, еще не утвердившееся, и рискнуть, дав этому новому «добро». Так было с моей работой о молодежной субкультуре. Тогда, в конце 1980-х, этнографическое исследование в основном ассоциировалось с поездками в деревню, сбором коллекций и записью воспоминаний старожил, материалов по фольклору и демонологии. Я пишу статью о молодежных тусовках, написанные по материалам включенного наблюдения (три года полевой работы). Кирилл Васильевич мало того что одобряет мои работы на заседании сектора, но и рекомендует к публикации, а затем предлагает написать и книгу. Она была опубликована тоже при его поддержке в самые провалы в экономическом отношении годы, когда на научные публикации выделялись минимальные средства, — моя книга «Символика молодежной субкультуры» вышла в издательстве «Наука» в 1993 г. Без его поддержки это было бы невозможно.

Со временем встречи становились реже, но в поворотные моменты моей профессиональной биографии я остро нуждалась в совете Кирилла Васильевича — и всегда получала совет, впоследствии оказавшийся правильным (которому, к сожалению, я не всегда сразу следовала).

Уже в 2001 г. я попросила К.В. прочитать лекцию по современному фольклору, методике собирательской работы в этой области для моих студентов, которым читала курс «Антропология города» (я тогда преподавала на факультете социологии СПбГУ). Выезжать ему было уже трудно, и мы пришли всей группой к нему домой. Студенты расселись полукругом в просторной, похожей на библиотеку комнате. Лекцию эту бывшие студенты, когда мы с ними время от времени встречаемся, вспоминают до сих пор. В 2002 г. я пришла уже одна и записала эту лекцию на видеокамеру.

Драгоценные минуты общения. Двадцать семь лет. Жизнь оказалась ко мне необычайно великодушной. Но, как оказалось, этих двадцати семи лет не хватило.

ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЕЙ К.В. ЧИСТОВА

В воспоминаниях К.В. Чистова очень подробно и ярко описана его экспедиция августа 1938 г., когда он, студент Ленинградского государственного университета, в д. Климово на Кутепком оз. в Пудожском р-не Карелии записал от сказителя И.Т. Фофанова более десятка первоклассных былин¹, которые в 1941 г. были опубликованы в сборнике Г.Н. Парилловой и А.Д. Соймонова «Былины Пудожского края». Общение с талантливым сказителем и мудрым человеком сыграло в жизни будущего фольклориста, как он сам признается, важную роль. Эта встреча помогла юному интеллигентной городской семье осознать, что фольклористика принадлежит к тем наукам, которые тесно связаны с широкой сферой народологии.

О другой своей экспедиции студенческих, предвоенных лет — об экспедиции августа 1939 г. в Сталинградскую, Ворошиловградскую и Ростовскую области — К.В. Чистов в мемуарах упоминает вскользь. На юг России он отправился вместе со своим старшим товарищем, аспирантом М.К. Азодовского Иваном Кравченко. «Мы с ним ездил в фольклорную экспедицию на Дон — от Цимлянкой до Ростова, — пишет ученый. — Наш маршрут проходил по нижним станицам. Мне повезло, между прочим: тогда я записал одну донскую былинку. Это очень редкий случай — запись былинки на юге России. Я потом написал об этом студенческую работу, но она не была опубликована: потерялась во время войны. В этой работе я предлагал называть донские былинки донскими былинными песнями, потому что они не похожи на северные былинки: поэтическая система совсем другая»².

Студенческая статья К.В. Чистова пропала, но материалы, записанные на Дону, сохранились. Они находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ, р. V, кол. 121), куда их определил учитель К.В. Чистова М.К. Азодовский, в предвоенные годы одновременно возглавлявший отдел фольклора в Пушкинском Доме и кафедру фольклора в ЛГУ. Коллекция содержит 287 фольклорных текстов, записанных К.В. Чистовым и И.И. Кравченко, а также полученных ими из Сталинградского музея им. И.В. Сталина и с кафедры литературы Ворошиловградского педагогического института им. Т.Г. Шевченко. Среди

